А.А.Пауткин

ЮЖНОРУССКИЕ ЛЕТОПИСЦЫ XIII ВЕКА И ПЕРЕВОДНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Переводная книжность — один из важнейших источников русских летописей. Заимствования из сочинений предшественников, ориентация на авторитеты были естественны и неизбежны в литературной практике средневековья. Медиевисты с давних пор отмечают всевозможные параллели летописных текстов и отдельных фрагментов исторических переводных сочинений, служивших в качестве образца для наших книжников. Разработке проблем, связанных с характером и временем осуществления переводов, историей бытования и степенью популярности на Руси византийских хроник, «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия способствовали фундаментальные исследования В.М.Истрина, А.С. Орлова, Н.К.Гудзия, Н.А.Мещерского, О.В.Творогова и др.[1]

Не менее важными для изучения литературной природы летописного повествования представляются вопросы, касающиеся восприятия нашими летописцами переводных произведений. Особенности использования тех или иных переводных источников могут свидетельствовать об определенных традициях местных литературных школ, а подчас позволяют выявить пристрастия и навыки, черты повествовательной манеры отдельных летописцев, стилевое своеобразие конкретных массивов текста.

В XIII столетии в условиях утраты Киевом былого могущества происходит не только усиление политических центров юго-западной Руси, подкрепленное миграцией населения из Поднепровья, развивается и литература этого региона. Галич, Холм, Владимир Волынский дали замечательных книжников, опиравшихся на достижения своих киевских предшественников. К сожалению, только Галицко-Волынская летопись да некоторые вкрапления в более ранние киевские своды представляют сейчас оригинальную литературу края. Но именно этот памятник входит в круг выдающихся явлений древнерусской литературы, становясь вершиной южнорусского исторического повествования.

Летопись, охватывающая события почти всего XIII в., богата примерами обращения к хроникам Иоанна Малалы, Георгия Амартола, «Истории Иудейской войны», «Александрии». Возможно, это связано с составлением в середине XIII в., по мнению Л.А.Дмитриева,

непосредственно в Галицко-Волынской Руси[2], не сохранившейся до наших дней хронографической компиляции, названной в свое время В.М.Истриным «Иудейским хронографом»[3]. Вообще не трудно заметить интерес местных летописцев к культурам других народов, что связано с особым пограничным положением земель на крайнем юго-западе древнерусского государства, которым суждено было объединиться в могучее княжество под рукой Даниила Романовича. Внимание к византийской письменности объясняется и близостью империи, и давними политическими связями. Так, еще в XII в. византийские императоры желали получать от галицких князей помощь в борьбе с половцами. Показательно, что гонимый наследник византийского престола Андроник Комнин укрывался у Ярослава Осмомысла, а после захвата Царьграда крестоносцами уже в начале XIII в. другой император, Алексей Ангел, тоже прятался в Галиче.

Близость византийской хронографии с ее обычаем выстраивать историю по императорам ощущается здесь в особой тяге летописцев к созданию жизнеописаний, в стремлении дать историю княжения. Действительно, отрезок времени, охваченный собственно галицким повествованием, равен примерно продолжительности человеческой жизни, а рассказы о событиях объединяются судьбой одного правителя. Несмотря на всю несхожесть галицкой и волынской частей летописи, а она, соответственно наименованию, распадается на две составляющие, названная черта, хотя и в менее яркой форме, представлена также и в волынском повествовании.

Летописцы этой эпохи ценили в переводном тексте, прежде всего, изобразительный прием, литературную формулу, тогда как в древнейший период главенствовал исторический факт или то, что считалось таковым. Вспомним заметки по всемирной истории, читаемые в начале «Повести временных лет». Если на печерских летописцев XI—XII вв. особое влияние оказывала хроника Георгия Амартола, то теперь, как справедливо отмечал А.С.Орлов, отдается «предпочтение Малале»[4]. В.О.Ключевский в лекциях по источниковедению указывал на существенную особенность хроники Малалы — «наклонность повествователя описывать наружность и характер лиц, о которых он рассказывал»[5]. Не эта ли черта хроники делала ее особенно привлекательной для галичанина, склонного к детализации, изображению внешности героя (например, своеобразный «парадный портрет» князя Даниила), очертаний построек и предметов (например, рассказ о холмской архитектуре)?

Однако при всей очевидности воздействия на Галицкую летопись переводной книжности объяснить ее стилевую уникальность только путем учета разнообразных параллелей невозможно. Ведь далеко не все факты сходства, приводимые медиевистами, достаточно убедительны. Сомнения в ряде случаев прямо выражались исследователями. Особенно это касается материала, который скорее может свиде-

тельствовать о близости по времени появления переводного и оригинального текстов. Учитывая «вольный» характер осуществления на Руси переводов светских произведений, в таких случаях просто трудно воссоздать логику взаимовлияний. Ситуация еще более осложняется, если нет возможности прибегнуть к оригиналу. Классический пример — известная фраза-формула из описания взятия Киева татарами (под 1240 г.): «И тут беше видити лом-копеины щет скепание стрелы омрачиша свет». Ср. в 3 книге древнерусского перевода «Истории Иудейской войны»: «И бысть видети лом копейны и скрежетание мечное и щиты искепаны и мужи носимы и землю напояша крови». По наблюдению Н.А.Мещерского, как раз этому фрагменту из перевода нет соответствия в греческом оригинале[6]. То есть перед нами проявление в данном случае своеобразного сотворчества переводчика, использовавшего известные loci communes.

Более показательны фрагменты, которые помимо лексической или фразеологической общности демонстрируют родство принципов подхода к созданию тех или иных описаний, отражению типовых ситуаций, так называемых устойчивых литературных формул. Это могут быть, например, описания осад (под 1240, 1261, 1281 гг.) или запечатление личного подвига, запоминающегося поступка и т.д. В той же записи об осаде 1240 г. читаем: «Людем же избегшим и на церковь и на комар церковные и с товары своими от тягости повалишася с ними стены церковные»[7]. Сравним это с аналогичным описанием из 4 книги «Истории» Флавия: «Лазяху на градные храмы... храмом же наполнившимся и не держаше тяжести разрушевахуся и нападаваху друг на друзе»[8]. Тут нет прямого лексического соответствия, как в известном случае с прямой цитатой из Малалы: «Скырт река злу игру сыгра гражаном»[9], но для показа народного бедствия избрано аналогичное происшествие, запечатленное близко к оригиналу. Стоит отметить и формулы «некто из града», «створи дело памяти достойно», «мужество яви». Они сами по себе указывают на близость переводного и оригинального текстов, но ими открываются еще и сходно построенные описания.

Приведем данные о прямых заимствованиях, безусловных и не столь явных параллелях текстов, а также примеры стилистической близости древнерусских переводов византийских хроник, «Истории иудейской войны», «Александрии» и южнорусского летописного повествования за XIII в., расположив их в хронологической последовательности. Обозначим при этом год, под которым читается в Галицко-Волынской летописи отрывок, содержащий в себе реминисценцию или заимствование, и его переводной источник. Отдельная графа таблицы содержит сведения о том, кем из исследователей были сделаны текстовые наблюдения. В некоторых случаях круг параллелей, предложенных А.С.Орловым, Н.А.Мещерским, Д.С.Лихачевым[10], О.В.Твороговым и О.П.Лихачевой расширен.

1201	Похвала князю Роману, сравнение со львом	Малала, кн. I («зверовидный Ираклий»)	А.С.Орлов. К вопросу об Ипатьевской летописи, с. 101
	сравнение с рысью	Александрия, по Еллинскому летописцу	с. 104
	сравнение с крокодилом	Амартол, I	с. 104
	сравнение с туром	Александрия	с. 104
1201	Похвала Владимиру Мономаху	Малала, Амартол, Флавий	О.П.Лихачева ПЛДР, XIII век, М., 1981, с. 268
1205	Бенедикт «томитель»	Иосиф Флавий, кн. VI, гл. IX. ч. 4	Н.А.Мещерский. История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе, с. 100
1217	Фильний «древле прегордый»	Иосиф Флавий, об Иоанне, кн. VI. гл. IX. ч. 4	Мещерский, с. 99
1219	«И возбегоша же на комары...»	Иосиф Флавий	О.П.Лихачева, с. 578
1221	«Сию же наричють белжане злу нощь, сия бо нощь злу игру имъ сыгра, повоевали бо...»	Малала, кн. II	Орлов, с. 99
1224	«Бе бо дерзъ и храборъ отъ главы и до ногу его не бе на немь порока»	Еллинский летописец	Орлов, с. 102
1226	Характеристика боярина Жирослава	Иосиф Флавий, кн.II, гл. XXI, ч. I характеристика Иоанна из Гисхалы	Мещерский, с. 98, со ссылкой на А.Берендтса
1229	«Яко инде глаголеть: Скыртъ река злу игру сыгра гражаномъ, тако и Днестръ злу игру сыгра угромъ»	Малала, кн. XVII	Орлов, с.100 О.В.Творогов. Древнерусские хронографы. Л., 1975, с. 20 (ранее отмечал А.А.Шахматов)
1230	«Обнажившу мечь свои, играя на слугу королева»	Малала, кн. VII	Орлов, с. 113

1231	«Мьдляй на бранъ страшливу душу имать»	Александрия слова Александра Македонского	Орлов, с. 115
1233	Изречение, приписываемое летописцем Гомеру	Возм., по Малале, где имелись сведения о Троянской войне и мифах	А.С.Орлов. О Галицко-Волынском летописании. ТОДРЛ, т. V, М.—Л., 1947, с. 21. (полемика с Шахматовым)
1234	«...нко страшливу душю имате»	Александрия слова Александра Македонского	Орлов, с. 115
1235	«бояры и сиузникы»	Малала, кн. XV	Орлов, с. 114
1240	Осада Киева «...ломъ копенный, щет скепание, стрелы омрачиша свет»	Иосиф Флавий, кн. III, гл. VII, ч. 4	Орлов, с. 119 Мещерский, с. 101 Д.С.Лихачев. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986, с. 214
1240	Осада Киева «Людем же изебегши и на комар церковныя и с товары своими от тягости повалишася с ними стены церковныя»	Иосиф Флавий, кн. IV, гл. I	
1241	«обличить победу»	Малала, кн. IV	Орлов, с. 113
1248	«Скомонд бо бе волъхвъ и кобникъ нарочит»	Малала, кн. V и VII	Орлов, с. 113 Творогов, с. 19
1249	«створи игру предъ градомъ»	Малала, кн. VII	Орлов, с. 113
1251	Блеск оружия дружин Даниила	Иосиф Флавий парад римского войска	Орлов, с. 120
1251	«сиузничи (конники — А.П.) мнози зело»	Малала, кн. XV	Орлов, с. 114
1252	«подобно игре»	Малала, кн. VII	Орлов, с. 113
1252	Парадный портрет Даниила	Малала, кн. XVII описание одежды персидского царя Чафия	Орлов, с. 105
1252	Парадирование войска Даниила Романовича	Иосиф Флавий, кн. III, гл. V, ч. 5, или кн. III, гл. VI, ч. 2	
1254	«и обличи победу»	Малала, кн. IV	Орлов, с. 113

1254	рассуждения летописца о хронологии	Малала, кн. XVIII	Орлов, с. 123 Творогов, с. 19
1255	«обличи победу свою»	Малала, кн. IV	Орлов, с. 113
1255	«снузници возбегоша»	Малала, кн. XV	Орлов, с. 114.
1257	Слова о ятвяжской дани. Похвала Даниилу Романовичу как достойному продолжателю дела Романа	Малала, кн. V	Орлов, с. 108–109,, Творогов, с. 19
1258	«снузникомъ же сразившимся»	Малала, кн. XV	Орлов, с. 114
1259	Ветер несет назад метательные снаряды	Флавий	Орлов, с. 119
1261	описание Сандомирского взятия: «стрелемъ не дающим выникнути изъ заборол...» и далее	Иосиф Флавий, кн. III, гл. VII, ч. 24; кн. III, гл. VII, ч. 22; кн. IV, гл. VII, ч. 5	Орлов, с. 119 Мещерский, с. 100
1261	Формулы: «створити дело», «некто же от...», «створити дело памяти достойно»	Иосиф Флавий. напр., описание подвига сотника Елеазара. Кн.III, гл. VII, ч. 21.	
1264	Формула: «не мало ... показати мумьство свое». (О Романе Брянском)	Иосиф Флавий. напр. о сотнике Еутии. Кн. IV, гл. I, ч. 5	
1280	Формула: «Взяти.. с великимъ потом»	Иосиф Флавий. Напр., «Галилея тако взята бысть многымъ страданиемъ великим и потомь». кн. IV, гл. II, ч. 5.	
1281	Описание осады Гстиного	Иосиф Флавий,, кн. III, гл. VII, ч. 24.	Орлов, с. 119 Мещерский, с. 100
1281	Прусин и воин по имени Рах «створиста дело памяти достойно»	Иосиф Флавий, кн.III, гл.VII, ч.21	Орлов, с. 119, Мещерский, с. 100
1281	Формула: «Не мало бо показа мужьство свое» (о Льве Даниловиче)	Иосиф Флавий, кн. IV, гл. I, ч. 5	

Обобщив и дополнив наблюдения ряда исследователей по конкретным формам заимствований, отметим, что летописцы Холма и Владимира Волынского, наследие которых объединила в себе Га-

лицко-Волынская летопись, придерживались в своей работе различных принципов и образцов. У галицкого летописца (или летописцев) шире круг книжных познаний, нет слепого подражания переводной книжности, заметен творческий подход к источникам, что соотносится с изысканностью стиля. Составители же Волынской летописи, которой свойственна простота изложения, в бо́льшей степени полагались на достижения древних авторов, нежели на собственные наблюдения.

Биограф Даниила Романовича опирается на эпическую традицию (в том числе половецкую), знает труды историков Востока и Европы, летоисчисление антиохейцев, греков и римлян; ссылается на Гомера, упоминает хронику Евсевия Памфила, ведомы ему и «иныи хронографи». Нередки прямые ссылки на источник. Волынянин тоже перечисляет книги, но это — вклады Владимира Васильковича в монастыри — рукописи, переписанные лично князем или выполненные по его заказу. Галичанин в бо́льшей степени склоняется к опыту Иоанна Малалы, чем к достижениям Иосифа Флавия, хотя и его труд не оставляет без внимания. Сочинение Флавия оказало особое влияние на цитировавшееся описание штурма Киева татарами, восходящее к киевской книжности и, видимо, лишь включенное в Галицкую летопись.

Волынское повествование, напротив, тяготеет непосредственно к литературным традициям Киева (летописи, «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона). Особенно часто здесь обращаются к популярному в средневековой Европе сочинению Иосифа Флавия, прямо не называя его. С 1261 г. (начало волынского повествования) следы использования хроник Малалы и Амартола незаметны, а ориентация на перевод «Истории Иудейской войны» усиливается, проявляясь на разных уровнях (от лексического и фразеологического до развернутых описаний). Обращение именно к «Истории» Флавия можно объяснить тем, что летописец рассказывает о разорении русских и окрестных земель татарами, о бедствиях мирного населения, об осадах городов и подвигах их защитников[11]. Переполненное такими описаниями сочинение Иосифа Флавия как бы продолжало библейскую историю и называлось на Руси «Повесть о разорении Иерусалима»[12]. Трагическое звучание волынского повествования о событиях второй половины XIII в. усилено вынужденным участием русских князей в походах и злодеяниях ордынцев. Летописцы должны были рассказывать о действиях своих князей как о татарской силе. (Ср.: иудей Иосиф служит своим пером Риму, описывая осады и разорения городов своей родины.) Интересно, что в уже упоминавшемся описании Сандомирского взятия (под 1261 г.), созданном под влиянием текста Иосифа Флавия, летописец умалчивает об участии в событиях русских князей. Тогда как в «Великопольской хронике», складывавшейся примерно

в это же время, говорится о том, что город пал благодаря хитрости русских князей[13].

Таким образом, отметив различия в подходе к переводным памятникам представителей двух литературных центров (прежде всего в отборе, характере использования источников, их влиянии на формирование местного летописного стиля, объеме книжных познаний летописцев), можно предположить, развивая гипотезу А.С.Орлова о компилятивном источнике, с которым работали южнорусские летописцы XIII в.[14], что к тексту хронографа, содержавшего разные переводные произведения, обращались в Холме галицкие летописцы, в то время как во Владимире Волынском, напротив, использовали отдельный перевод «Истории Иудейской войны».

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См., например: Истрин В.М. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Текст, исследование и словарь. Тт. I—III. Пгр.—Л., 1920—1930; Орлов А.С. К вопросу об Ипатьевской летописи // ИОРЯС, т. XXXI, кн. I, Л., 1926. С. 93—126; Гудзий Н.К. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе // Старинная русская повесть. М.—Л., 1941. С. 38—47; Мещерский Н.А. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958; Творогов О.В. Древнерусские хронографы. Л., 1975.

2 История русской литературы X—XVII веков. М., 1980. С. 153.

3 Истрин В.М. Александрия русских хронографов: исследование и текст. М., 1893. С. 353.

4 Орлов А.С. К вопросу об Ипатьевской летописи. С. 124.

5 Ключевский В.О. Сочинения в восьми томах. Т. 6. М., 1959. С. 41.

6 Мещерский Н.А. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. С. 78.

7 ПСРЛ,. М., 1962. Т. 2. Стлб. 785.

8 Цит. по: Мещерский Н.А. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. С. 321.

9 ПСРЛ,. Т. 2. Стлб. 761.

10 Лихачев Д.С. Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского // Д.С.Лихачев. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 201—225.

11 Д.С.Лихачев отмечал, что сочинение Иосифа Флавия «постоянно вспоминалось в случаях военных поражений, разорений городов и народных бедствий» (Д.С.Лихачев. Повесть «О взятии града Торжьку» и древнерусский перевод «Истории Иудейской войны» // Д.С.Лихачев. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 234).

12 Под 1289 г. в Волынской летописи читается фраза: «Жидове плакахуся, аки и во взятье Иерусалиму, егда ведяхуть я во полонъ Вавилоньскии» (Цит. по: ПЛДР, XIII век, М., 1981. С. 408).

13 «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI—XIII вв. Изд-во МГУ, 1987. С. 184.

14 Орлов А.С. Указ. соч. С. 96.